

Помелова Юлия Павловна

Pomelova Yulia Pavlovna

аспирант кафедры восточных языков
и лингвокультурологии Института международных
отношений и мировой истории
Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
имени Н.И. Лобачевского

PhD student, Department of Oriental Languages
and Cultural Linguistics,
Institute of International Relations
and World History,
Lobachevsky State University of
Nizhny Novgorod

ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ДЕЛАМИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В КНР ПОСЛЕ 1978 Г.

INFORMATION CONTROL OVER THE NATIONAL MINORITY AFFAIRS IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AFTER 1978

Аннотация:

В статье рассматривается историческое развитие информационной политики в отношении национальных меньшинств, проживающих на территории Китайской Народной Республики. В частности, проведен анализ и рассмотрена эволюция механизмов осуществления цензуры и контроля общедоступной информации, общественного обсуждения этнических вопросов с целью снижения межэтнической напряженности и укрепления легитимности правительства, реализованных после начала политики реформ и открытости (с 1978 по 2012 г.). Система осуществления информационной политики в КНР составляет единый обширный и разветвленный комплекс, под влиянием которого находятся все общественные институты. Проведение информационной политики в отношении национальных меньшинств содействует поддержанию экспортируемого образа межнационального согласия в стране, формирует национальную идентичность КНР, влияет на самоопределение народов, проживающих на территории КНР.

Ключевые слова:

Китай, история КНР, национальные меньшинства, пропаганда, национальная идентичность, информационная политика, межэтническая напряженность, цензура.

Summary:

The study deals with the historical development of information policy in relation to national minorities living on the territory of the People's Republic of China. In particular, mechanisms of censorship and control of public information and public discussion of ethnic issues are analyzed. When the reform and opening-up policy had started (1978–2012), information policy was implemented to reduce interethnic tensions and enhance the legitimacy of the government. Information policy system in the PRC is a unified extended and distributed complex managing all social institutions. Strict control over the national minority affairs maintains the exported image of interethnic harmony in the country, forms the national identity of the PRC, and influences the self-determination of its minorities.

Keywords:

China, history of the PRC, national minorities, propaganda, national identity, information policy, interethnic tensions, censorship.

Государственная информационная политика – это деятельность по принятию управленческих решений и их реализации «для регулирования и совершенствования как непосредственно процессов информационного взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, так и процессов (в широком смысле) технологического обеспечения такого взаимодействия» [1, с. 52].

С начала политики реформ и открытости (1978) по XVIII Всекитайский съезд КПК (2012) в информационной политике КНР эволюционировали только механизмы контроля и осуществления цензуры. В 1984 г. Китай создает единую систему «Национальной информационной инфраструктуры» [2, с. 4]. С помощью информационной политики под контролем КПК концепт «КНР» целенаправленно формировался в виде уникального культурного сообщества, объединенного общими целями, культурой и идентичностью.

Внимание информационной политики сосредоточено на самых острых социальных и политических проблемах и направлено на получение общественной поддержки для осуществления необходимых действий правительства. Вопрос национальной идентичности КНР являлся именно такой линией разлома общественного мнения и, соответственно, одним из главных направлений осуществления информационной политики в рассматриваемый период.

Официальный статус национального меньшинства (少数民族, shaoshu minzu) имеют 55 этнических групп, выделенные на основании характеристик, отличающих их от титульной группы хань. Китайское государство по-прежнему следует определению И.В. Сталина, данному в работе

«Марксизм и национальный вопрос»: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [3, с. 296]. По данным шестой переписи, проведенной в 2010 г. в материковой части Китая, 91,51 % населения составили ханьцы (исторически именуются в русском языке как китайцы), а 8,49 % – другие этнические группы (в порядке уменьшения численности: чжуаны, маньчжуры, хуэй, мяо, уйгуры, туцзя, монголы, тибетцы и др.). Общая численность представителей национальных меньшинств на территории материкового Китая составила 113,79 млн человек, что примерно равно населению всей Мексики [4]. Особый интерес в изучении национальных меньшинств КНР вызывают уйгуры (приверженцы ислама-суннизма) и тибетцы (исповедующие ламаизм), проживающие в основном в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных районах. Межнациональную напряженность в уйгурском и тибетском вопросах во многом вызывают и усиливают диспропорция в уровне социально-экономического и культурного развития этнических групп, существование фактического неравенства.

Строгий контроль над делами национальных меньшинств в рассматриваемый период поддерживал экспортируемый образ межнационального согласия в стране.

Доминирующей нарратив китайских СМИ представляет нам идеалистические картины жизни национальных меньшинств: танцующие и поющие люди в ярких национальных костюмах на фоне величественных пейзажей. Политический нарратив самих национальных меньшинств укладывается в понятие китаизации. Давление монокультурной политики Китая изменило само восприятие национальных меньшинств от психологически здорового понимания себя как отличного от другого в политизированное антагонистическое ощущение себя как «не принадлежащего к ханьцам».

В рассматриваемый период как позитивная, так и негативная пропаганда по национальным вопросам играла важную роль в поддержании долгосрочной политической стабильности Китая. Что касается зарубежной пропаганды, то положительные пропагандистские мероприятия были нацелены на повышение национального имиджа Китая, отрицательные – на изоляцию этнических лидеров и движений, которые могли угрожать политической стабильности.

Система осуществления информационной политики в КНР составляет единый обширный и разветвленный комплекс. Это не вертикальная иерархическая структура подчиненных друг другу ведомств и департаментов, но система управления информационной политикой, объединяющая многочисленные партийно-государственные организации с элементами горизонтального взаимодействия. Информационная политика КНР в отношении национальных меньшинств определялась Центральным отделом пропаганды совместно с такими органами, как Патриотический единый фронт китайского народа и Государственный комитет по делам национальностей [5, р. 161].

В отношении национальных меньшинств информационная политика КНР с 1984 г. регулируется Законом о национальной автономии. Данный закон поощряет распространение печатных изданий, фильмов и телевещания на языках титульных меньшинств автономных областей, а также призывает к сбору и публикации книг, сохранению исторического и культурного наследия национальных меньшинств [6]. Через реализацию законодательных актов правительство КНР создавало так называемую информационную «псевдосреду» для управления общественным мнением. Для сохранения этой «псевдосреды» применялись методы информационной политики, такие как цензура, назначение верного правительству управляющего персонала, постоянное периодически ожесточающееся преследование нелегальных изданий и многие другие.

Для поддержания единого информационного пространства с помощью цензуры Центральный отдел пропаганды КПК в сотрудничестве с Государственным комитетом по делам национальностей и Единым фронтом осуществлял регулярную рассылку подробных инструкций о проведении информационной политики КПК в отношении национальных меньшинств [7, р. 164]. Китайским СМИ запрещено независимо освещать любые вопросы, связанные с национальными меньшинствами. Например, запрещено под видом обсуждения «традиционной культуры» способствовать развитию «феодалной и декадентской культуры» национальных меньшинств. Китайским издателям и средствам массовой информации запрещалось публиковать зарубежные печатные материалы, связанные с этническими или религиозными делами национальных меньшинств Китая [8].

В кризисные периоды этнические пропагандистские мероприятия проводились на самом базовом уровне, в том числе индивидуального устного убеждения. Например, после этнических волнений в Синьцзяне сотрудники пропагандистских отделов регулярно направлялись в местные общины для обсуждения государственной политики и проблем общины. Точно так же в Тибетском автономном регионе буддистским монахам необходимо было посещать классы политического образования для обучения «правильному» способу восприятия далай-ламы и развития патриотизма [9, р. 166]. Таким образом, информационная политика КНР проникала даже в самые отдаленные концы страны.

В эпоху Мао за нарушение широких и расплывчатых директив, таких как «Критика Линь Бяо и Конфуция» или «Уничтожение буржуазного либерализма», граждане КНР могли понести серьезное наказание. Чтобы не выходить за пределы безопасной зоны, в своей повседневной жизни люди должны были контролировать себя и свое окружение, предугадывая, что правительству может не понравиться. Те же опасения и, соответственно, самоцензура как один из методов информационной политики продолжали возникать и после некоторой либерализации режима при обсуждении таких тем, как инцидент 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, Тибет, Фалуньгун и др. Самодисциплину обязаны поддерживать ведущие сотрудники СМИ, вещающих на языке национальных меньшинств, назначаемые с одобрения местных пропагандистских отделов. Главные редакторы всех некантаеязычных СМИ несут личную ответственность за проведение цензуры всего информационного контента.

Масштаб информационной политики КНР становится ясным благодаря учету количества каналов ее распространения. По официальным данным правительства, в 2003 г. в КНР действовали 2 262 телевизионные станции (из них 2 248 составляли региональные) и 1 123 издательства, публиковалось 2 119 газет, 9 074 периодических изданий [10, р. 4], в Сеть выходило более 513 млн интернет-пользователей (по состоянию на конец 2011 г.) [11]. Часть из этих каналов передачи информации имели целевую аудиторию именно в среде национальных меньшинств.

В середине 1990-х гг. была введена трехуровневая система цензуры перед публикацией любой книги. Особые ограничения касаются книг по исламу, разрешение на их публикацию должно быть получено в Государственном управлении по делам религий. Что касается периодической печати, большинство региональных изданий просто переводят материалы китайских газет. Буквальные, наскоро сделанные переводы искажают современные литературные языки национальных меньшинств [12, р. 49].

Отдельно следует упомянуть такой метод информационной политики правительства КНР, как выпуск так называемых «Белых книг». С 1991 г. было выпущено 62 книги на английском языке на различные чувствительные темы, 24 из которых имели дело с аспектами национальной политики Китая.

В периоды политических кризисов власти КНР прибегали и к более радикальным методам контроля информационных потоков. Во время волнений в Урумчи в июле 2009 г. были заблокированы все социальные медиапорталы и микроблоги, такие как Weibo, ставшие привычными площадками для обсуждения запретных тем [13, р. 114–115].

Информационная политика в сети Интернет имела и превентивную функцию: в период передачи власти перед XVIII Всекитайским съездом КПК в конце 2012 г. правительство выпустило новые правила, в соответствии с которыми зарегистрированные пользователи всех наиболее посещаемых интернет-порталов должны подтвердить свою личность через предоставление их национального идентификационного номера, домашнего адреса, телефона и другой персональной информации в срок до июля 2014 г. [14]. С тех пор как данный закон вошел в силу, большинство онлайн-сервисов стало проводить соответствующую политику и просить своих посетителей подтвердить свою личность для регистрации на портале. При выполнении данного закона возникли определенные трудности в отношении национальных меньшинств. Некоторые сервисы, например WeChat, отказывали в регистрации пользователям, чей ID указывал на их проживание в национальных автономиях [15].

В последнее десятилетие также значительно увеличилась роль телевидения как инструмента пропаганды, направленной за рубеж. Управление внешнеполитической пропаганды вместе с Государственным комитетом по делам национальностей регулярно выпускает указания для пропагандистских СМИ, вещающих за рубеж, таких как China Daily, Global Times, China Radio International, CCTV-9 и CCTV-4, по правильному представлению национальной политики КНР [16, р. 171].

Вещание на языках национальных меньшинств достигло своего пика в начале 1990-х гг. и постепенно уменьшается до сих пор. Из 43 национальных телевизионных станций в 2002 г. семь вещали еще на одном или нескольких языках в дополнение к китайскому. Например, Tibet TV и Qinghai TV осуществляли вещание также на тибетском языке, Xinjiang TV – на уйгурском [17, р. 48]. Стоит отметить, что все фильмы и телепрограммы должны быть сняты на китайском языке. Если фильм предназначен преимущественно для определенной национальной группы, то он дублируется на соответствующем языке [18, р. 49]. Это означает, что уйгурские актеры, играющие в фильме об уйгурской культуре, снимающемся на Синьцзянской киностудии, должны читать свои роли на китайском и потом, поверх китайского саундтрека будет наложен уйгурский дубляж. Новостные телепередачи также снимаются на китайском языке и затем переводятся на языки национальных меньшинств.

Информационная политика, проводимая с помощью телевидения, формировала образ национальных меньшинств в общенациональном телевидении. Коллективы различных этнических групп регулярно участвовали с представлениями для крупных национальных мероприятий, таких как гала-концерт в честь китайского Нового года на CCTV. С одной стороны, меньшинства представлялись как отсталые, с другой, их образ романтизировался. Как пример формирования данного нарратива можно обозначить выступления Китайского центрального ансамбля песни и танца национальных меньшинств, основанного в 1952 г. Чжоу Эньлаем. Солистка ансамбля – Пэн Лиюань, жена Генерального секретаря КПК Си Цзиньпина, а их классический пропагандистский номер – песня «Стирка», рассказывающая о том, как Народно-освободительная армия Китая «спасла» тибетцев [19]. Культурный образ национальных меньшинств с помощью таких выступлений чрезвычайно упрощался, а регионы их проживания изображались исключительно как туристская дестинация.

Другой метод проведения информационной политики, направленный преимущественно на внутреннюю аудиторию, – это распространение плакатной живописи. После 1969 г. появляются первые двуязычные плакаты. Для исторического развития информационной политики КНР этот метод интересен тем, что впервые установил нарратив «благородных дикарей», живущих в традиционных жилищах, исполняющих традиционные песни и танцы. Большинство плакатов на национальную тематику изображают, как счастливые меньшинства пользуются плодами социализма, но под непосредственным руководством ханьцев. Другим распространенным сюжетом были массовые сцены превозношения достоинств Мао Цзэдуна группами национальных меньшинств [20].

С начала 1990-х гг. поддержание восприятия национальных меньшинств как «благородных дикарей» осуществляется через развитие этнических тематических парков, которые становятся все более популярной формой развлечения для ханьцев. Кроме извлечения прибыли, парки служат и политической цели – укреплению представления о том, что 55 этнических меньшинств и их территория объединены в единую китайскую нацию. Самый известный парк, «Парк национальностей» в Пекине, представляет собой сочетание музея и выставочных площадок. Другой парк – «Великолепный Китай» расположен в Шэньчжэне, в часе езды от Гонконга. Официальная миссия таких парков – собрать воедино культуру, достопримечательности, народное творчество и обычаи. В основном в подобных парках работают сами тибетцы, уйгуры, монголы, казахи и представители других народов. Но есть и работники-ханьцы, одетые в костюмы национальных меньшинств, что не вызывает удивления, особенно после церемонии открытия Олимпийских игр 2008 г., где именно ханьцы шли в костюмах 55 меньшинств. Парки развлечений, подобные «Великолепному Китаю», являются примером попыток китайских властей монополизировать право представлять культуру национальных меньшинств, окончательно утвердив включение и переработку их этнической идентичности национальной идентичностью КНР.

Успешность информационной политики может быть оценена степенью вовлеченности индивида в политическую систему. Тот факт, присутствует политический интерес или безразличие к общественным делам, может показать нам отчуждение или принятие политического режима и власти. Восточноазиатский институт Национальный университет Сингапура в 2008 г. провел масштабное анкетирование граждан КНР. В итоге исследователи пришли к следующим выводам: по состоянию на 2008 г. ханьцы были более вовлечены в политическую систему, в то время как меньшинства, проживающие на западе страны, чувствовали себя наиболее отчужденными от китайской политической системы [21, р. 14]. Национальные меньшинства не были склонны верить в то, что правительство реагирует на их потребности, и ощущали себя экономически незащищенными. Они доверяли правительству меньше, чем ханьцы, и реже, чем ханьцы, идентифицировали себя как «китайцы» [22, р. 21].

Таким образом, информационная политика в отношении национальных меньшинств, реализуемая после начала политики реформ и открытости, далеко не совершенна. Если информационная политика в отношении ханьцев была весьма успешна, относительно национальных меньшинств возникали определенные проблемы, особенно в таких беспокойных районах, как Тибет или Синьцзян. Хотя осуществление политики в области СМИ в автономных территориальных образованиях остается региональным вопросом КНР, исключительно внутренней проблемой, дискурс о Тибете и Синьцзяне стал международным.

Меньшинства уже признали огромное влияние средств массовой информации и информационной политики государства на свою жизнь. Во-первых, будь то преднамеренно или непреднамеренно, как новостные, так и развлекательные СМИ «обучают» общественность восприятию национальных меньшинств. Во-вторых, СМИ являются единственным источником информации о национальных меньшинствах для людей, которые не имеют прямых контактов с членами данных этнических групп. Более того, информационная политика и СМИ влияют не только на то, как другие люди воспринимают меньшинства, но даже на то, как меньшинства видят себя.

Проблема состоит в том, что даже протест меньшинств против сложившейся ситуации воспринимается жителями КНР через призму цензуры. Большинство независимых усилий меньшинств по кинопроизводству обречены на провал из-за отсутствия финансирования. Некоторые публикации авторов из национальных меньшинств добились популярности, но ненадолго и на ограниченной территории. Радиостанции и телевизионные станции могут вести трансляцию на многих языках, но право собственности и, следовательно, контроль над редакционной политикой находятся в руках ханьцев. Риторика о «самоопределении меньшинств через СМИ» может подогревать утопические мечты, но из-за жесткой цензуры остается только риторикой.

Ссылки:

1. Нисневич Ю.А. Информация и власть [Электронный ресурс]. М., 2000. 175 с. URL: https://lap.hse.ru/data/2012/12/05/1301814905/inf_vlast.pdf (дата обращения: 12.05.2018).
2. Ure J., Xiong L.J. Convergence and China's National Information Infrastructure [Электронный ресурс] // *Electronic Communication Convergence: Policy Challenges in Asia*. Singapore, 1999. URL: http://trpc.biz/wp-content/uploads/2001_03_Convergence_China_Info_Infra.pdf (дата обращения: 20.05.2018).
3. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос [Электронный ресурс] // Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М., 1946. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t2/marxism_nationalism.htm (дата обращения: 04.06.2018).
4. Tabulation on the 2010 Population Census of the PRC [Электронный ресурс] // National Bureau of Statistics of China. 2013. 23 Apr. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm> (дата обращения: 04.06.2018).
5. Brady A.M. We Are All Part of the Same Family: China's Ethnic Propaganda [Электронный ресурс] // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2012. Vol. 41, no. 4. P. 159–181. URL: <https://d-nb.info/1032246243/34> (дата обращения: 19.05.2018).
6. Law of the People's Republic of China on Regional National Autonomy [Электронный ресурс] // *China.org.cn*. 1984. 1 Oct. Art. 38. URL: <http://www.china.org.cn/english/government/207138.htm> (дата обращения: 19.05.2018).
7. Brandy A.M. Op. cit. P. 164.
8. Ibid.
9. Ibid. P. 166.
10. PRC Media Guide [Электронный ресурс] / Open Source Center. 2007. 21 March. URL: <http://fas.org/irp/dni/osc/prc-media.pdf> (дата обращения: 05.05.2018).
11. Kan M. China's Internet Users Cross 500 Million [Электронный ресурс] // *PCWorld*. 2012. 15 Jan. URL: http://www.pcworld.com/article/248229/chinas_internet_users_cross_500_million.html (дата обращения: 20.05.2018).
12. Dwyer A.M. The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse [Электронный ресурс]. Washington, D. C., 2005. 106 p. URL: <http://www.eastwestcenter.org/publications/xinjiang-conflict-uyghur-identity-language-policy-and-political-discourse> (дата обращения: 06.05.2018).
13. The Internet in China: Threatened Tool of Expression and Mobilization / O. Tkacheva, L.H. Schwarz, M.C. Libicki, J.E. Taylor, J. Martini, C. Baxter // *Internet Freedom and Political Space*. 2013. P. 93–118.
14. Lam O. The Business Behind China's Internet Real Name Registration System [Электронный ресурс] // *GlobalVoices*. 2013. 10 June. URL: <http://advocacy.globalvoicesonline.org/2013/06/10/the-business-behind-chinas-internet-real-name-registration-system> (дата обращения: 19.05.2018).
15. Lam O. China: Real Name Registration May Threaten Ethnic Minorities [Электронный ресурс] // *Mapping Global Media Policy*. 2013. 24 June. URL: <http://www.globalmediapolicy.net/node/9215> (дата обращения: 12.05.2018).
16. Brandy A.M. Op. cit. P. 171.
17. Dwyer A.M. Op. cit. P. 48.
18. Ibid. P. 49.
19. Liyuan P. Laundry Song [Видеозапись] // *Vimeo*. URL: <http://vimeo.com/25211722> (дата обращения: 12.05.2018).
20. Yu L. Ethnic Minority as Signifier for "National Unity" [Электронный ресурс] // Yu L. Representations of Ethnic Minorities in Chinese Propaganda Posters, 1957–1983. Pt. 4. 2000. URL: <http://u.osu.edu/mclc/online-series/minzu/part4/> (дата обращения: 20.05.2018).
21. Shan W. Comparing Ethnic Minorities and Han Chinese in China: Life Satisfaction, Economic Well Being and Political Attitudes [Электронный ресурс] // East Asian Institute, National University of Singapore. 2009. URL: http://www.eai.nus.edu.sg/publications/files/Vol2No2_ShanWei.pdf (дата обращения: 20.05.2018).
22. Ibid. P. 21.

References:

- Brady, AM 2012, 'We Are All Part of the Same Family: China's Ethnic Propaganda', *Journal of Current Chinese Affairs*, Vol. 41, no. 4, pp. 159–181, viewed 19 May 2018, <<https://d-nb.info/1032246243/34>>.
- Dwyer, AM 2005, *The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse*, Washington, D.C., 106 p., viewed 06 May 2018, <<http://www.eastwestcenter.org/publications/xinjiang-conflict-uyghur-identity-language-policy-and-political-discourse>>.
- Kan, M 2012, 'China's Internet Users Cross 500 Million', *PCWorld*, 15 January, viewed 20 May 2018, <http://www.pcworld.com/article/248229/chinas_internet_users_cross_500_million.html>.
- Lam, O 2013a, 'China: Real Name Registration May Threaten Ethnic Minorities', *Mapping Global Media Policy*, 24 June, viewed 12 May 2018, <<http://www.globalmediapolicy.net/node/9215>>.
- Lam, O 2013b, 'The Business Behind China's Internet Real Name Registration System', *GlobalVoices*, 10 June, viewed 19 May 2018, <<http://advocacy.globalvoicesonline.org/2013/06/10/the-business-behind-chinas-internet-real-name-registration-system>>.
- 'Law of the People's Republic of China on Regional National Autonomy' 1984, *China.org.cn*, 1 October. Art. 38, viewed 19 May 2018, <<http://www.china.org.cn/english/government/207138.htm>>.
- Liyuan, P 2018, 'Laundry Song', *Vimeo*, online video, viewed 12 May 2018, <<http://vimeo.com/25211722>>.
- Nisnevich, YuA 2000, *Information and power*, Moscow, 175 p., viewed 12 May 2018, <https://lap.hse.ru/data/2012/12/05/1301814905/inf_vlast.pdf>, (in Russian).
- PRC Media Guide 2007, Open Source Center, 21 March, viewed 05 May 2018, <<http://fas.org/irp/dni/osc/prc-media.pdf>>.

Shan, W 2009, 'Comparing Ethnic Minorities and Han Chinese in China: Life Satisfaction, Economic Well Being and Political Attitudes', *East Asian Institute, National University of Singapore*, viewed 20 May 2018, <http://www.eai.nus.edu.sg/publications/files/Vol2No2_ShanWei.pdf>.

Stalin, J (ed.) 1946, *Marxism and the national issue*, works, Vol. 2, Moscow, viewed 04 June 2018, <https://www.marxists.org/russkij/stalin/t2/marxism_nationalism.htm>, (in Russian).

'Tabulation on the 2010 Population Census of the PRC' 2013, *National Bureau of Statistics of China*, 23 April, viewed 04 June 2018, <<http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm>>.

Tkacheva, O, Schwarz, LH, Libicki, MC, Taylor, JE, Martini, J & Baxter, C 2013, 'The Internet in China: Threatened Tool of Expression and Mobilization', *Internet Freedom and Political Space*, pp. 93–118.

Ure, J & Xiong, LJ 1999, 'Convergence and China's National Information Infrastructure', *Electronic Communication Convergence: Policy Challenges in Asia*, Singapore, viewed 20 May 2018, <http://trpc.biz/wp-content/uploads/2001_03_Convergence_China_Info_Infra.pdf>.

Yu, L (ed.) 2000, 'Ethnic Minority as Signifier for "National Unity"', *Representations of Ethnic Minorities in Chinese Propaganda Posters, 1957–1983*, Pt. 4, viewed 20 May 2018, <<http://u.osu.edu/mclc/online-series/minzu/part4/>>.